

Т. Е. Трощинская-Степушина (г. Витебск, Беларусь)
**ДУША КАК МИКРОКОСМ В ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭЗИИ
Ф. И. ТЮТЧЕВА**

В декабре 2018 года исполняется 215 лет со дня рождения Фёдора Ивановича Тютчева – гениального русского поэта. Поэзия Тютчева соединяет богатство внутреннего мира художника со строжайшим лаконизмом слова и «возвышенной стыдливостью углубленного молчания» [1, с. 125]. Вселяя в нас ощущение беспредельности мира, его величия и тайны, Тютчев учит нас пониманию себя и мира, подтверждая слова своего великого современника И. С. Тургенева: «О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии» [2, с. 571].

Творчество Тютчева формировалось в русле романтического направления, однако нельзя забывать и о влиянии на него поэтики реализма и предшествующего классицизма. Как отмечает Ю. Н. Тынянов, она, являясь романтической по сути, с одной стороны, восходит к поэзии Г. Р. Державина с её архаичными формами, с другой, – имеет много общего с традициями русского реалистического романа (стихотворения 1850–1860 гг.) [3, с. 211]. Однако изображение внутреннего мира лирического героя воплощается поэтом преимущественно в рамках романтической эстетики, и реалистические тенденции в его зрелой лирике существуют в «силовом поле романтизма» [4, с. 422].

Одним из универсальных понятий эстетики романтизма является мир души, где она предстаёт как *микросм* – средоточие бытия личности, сопоставимое по своим масштабам со вселенной. Душа также является связующим звеном между здешним и высшим мирами. В современном тютчеведении мотив *преображения* души рассматривается как одной из наиболее важных составляющих художественного мира поэта. Будучи осмысленным в контексте его ценностной системы, преобразование понимается как *архимотив*.

Стихотворение Тютчева «Silentium!» («Молчание!») является образцом воплощения «жажды преобразования», реализующейся в насыщении идеи микрокосма интимно-лирическим содержанием [5, с. 123]. В противоборство вступают две разнонаправленные тенденции: затрудненность выражения и желания быть услышанными – понятым. Недостаточность вербальных средств для передачи сокровенного душевного опыта рождает мысль о несовершенстве слова: «невыразимость» становится художественным принципом творчества. «Скорее всего уже в юности ему открылось «умолчание» – то особое творческое состояние, при котором поэтическое чувство, достигнув накального уровня, страшится растраты в слове и избирает вдохновенную невысказанность», – отмечал А. Л. Осповат [6, с. 14]. Вопреки категоричному «Silentium!» и многочисленным «молчи!» в финале каждой строфы, вербализация осуществляется. Данное противоречие разрешимо только в художественном произведении, где слово перестает быть равным самому себе в обыденном значении, становясь компонентом поэтического метаязыка. Действительно, в стихотворении слово эстетически преобразуется: оно «облачается» в ритм, в систему созвучий, включается в композиционные законы – все это делает текст не просто совокупностью лексем, но чем-то большим.

Антиномия внутреннего и внешнего миров, тема безмолвия роднит стихотворения «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней» [5, с. 142]. Однако

углубление в душевное пространство последнего осуществляется иначе – путем сакрализации и мифологизации, а также перемещения мира души в иную пространственно-временную сферу – в потусторонний мир. Согласно мифологическим представлениям, Элизиум (Елисейские поля) – место обитания героев, где царит вечная весна. Элизиум становится пространством, сохраняющим существование теней (душ), оберегающим от воздействия внешнего мира, соприкосновение с которым угрожает целостности душевной сущности. Внешний мир – «година буйная», которая противопоставлена «Элизиуму теней» как преходящее вечному, имманентное трансцендентному. Настоящее время уточнено («сей години», «сей толпою») и мыслится как область хаотического, Элизиум же манифестирует идеальное прошлое. Отражение в душе такого идеального мира, неподвластного времени, позволяет «я» лирического героя прикоснуться к тому времени, где доблестные герои навсегда остаются в обители блаженных душ, на земле абсолютного счастья. Так создается возможность преодоления смерти.

В стихотворениях «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...» воплощается образ интимного мира души – микрокосма, противопоставленного деструктивному воздействию внешнего мира. «Охранительную» роль в первом стихотворении играет категория молчания – способ изоляции и одновременно гармонизации душевного пространства; во втором – пространственно-временной барьер между внутренним и внешним, прошлым и настоящим создаёт мифологизация души. Так, Тютчев утверждает уникальные микрокосмические свойства внутреннего бытия души и делает возможным отрешение от внешнего мира с целью сохранить душевное пространство нетронутым.

Одной из разновидностей трансцендентальных метаморфоз «я» лирического героя в художественном мире Тютчева становится мотив превращения души в звезду. Это устойчивый в романтической традиции вариант воплощения идеала. «Мотив звезд, став устойчивым в лирике Тютчева, использовался в самом широком диапазоне: от повествования о глубоко интимных переживаниях до проблем философского и исторического характера», – пишет И. В. Грачева [7, с. 30]. По мысли исследователя, он включает в себя множество ипостасей: созерцание звезд как способа познания Бога, противопоставление людской сутолоки и величия звездного неба («Кончен пир, умолкли хоры...»), уподобление человеческого гения звезде и «нечисляемых глубин человеческой души» звездному небу, соотношение звезд и судеб государств и народов и др.

Интересно раскрывается образ звезды в стихотворении «Душа хотела б быть звездой...» – примере поэтического раздумья о смысле человеческого бытия [5, с. 115]. Образ звезды здесь является сферой притяжения мятущейся души лирического героя. Главный парадокс стихотворения, разбивающий романтические штампы, состоит в том, что душа лирического героя не желает превращения в ночную звезду – его привлекает дневное существование звезд, когда они не видны:

*Но днем, когда сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом [5, с. 115].*

Эту особенность стихотворения отметил известный русский славист Р. Ф. Брандт, указав на «странное смешение двух зрительных точек: изобразив сперва звезды такими, какими они представляются человеческому глазу, поэт

затем, как астроном, оговаривает, что звезды светят и днем, и даже, будто бы, еще ярче!» [5, с. 366]. Возможно, определяющую роль в данном случае играет мотив невидимости звезд в дневное время обычным глазом. Ситуация двоимирия в стихотворении маркируется «границей»: завесы «палящих солнечных лучей» отделяют земной мир от небесного. Мотив преобразования души в дневную звезду символизирует обретение идеального бытия, однако специфика «лирики желаний» в романтизме такова, что желание обречено остаться несбыточным и может выступать «в качестве самодостаточной, самодовлеющей тоски по неизвестному, когда ценным является сам процесс переживания желаемого» [8, с. 123]. Сослагательное наклонение как форма выражения волеизъявления души лирического субъекта («Душа хотела б быть звездой...») с начала стихотворения указывает на невозможность осуществления желаемого. Не менее показательна ирреальность самого объекта желания – «дневного» существования звёзд.

Мотив преобразования души принимает у Тютчева и иные формы: главным становится не желание перевоплощения души, а её стремление к звезде, олицетворяющей идеальный образ *Другого*. Например, в стихотворении 1848 г. «Еще томлюсь тоской желаний...» образцом совершенства является образ возлюбленной («Недостижимый, неизменный, как ночью на небе звезда...»), к которому стремится лирический герой: *Еще стремлюсь к тебе душой – / И в сумраке воспоминаний / Еще ловлю я образ твой...* [5, с. 201].

Таким образом, проблема существования души является одной из наиболее актуальных в творчестве Ф. И. Тютчева. Однако парадокс существования души в поэтической системе Тютчева заключается в трагической невозможности достижения гармоничного существования с миром. Бытие души в мире реализуется в ситуации бесконечного странствия. Душа проходит путь преобразования, приобщения к мировой гармонии, однако мотивы трагического разобщения и отчуждения от природной вселенной, рождающие стремление за пределы земного мира в блаженную сферу, преобладают. Душа лирического героя обречена на вечное странствие в поисках гармоничного бытия.

Литература

1. Святополк-Мирский, Д. П. Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи / Д. П. Святополк-Мирский. – СПб. : Алетей, 2002. – С. 121–124.
2. Тургенев, И. С. Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева / И. С. Тургенев // Собр. соч. : в 12 т. – Т. 11. – М. : Гослитиздат, 1956. – 571 с.
3. Тынянов, Ю. Н. Вопрос о Тютчеве / Ю. Н. Тынянов // Литературный факт. – М., 1993. – С. 200–214.
4. Лотман, Ю. М. Тютчев / Ю. М. Лотман // История русской литературы : в 4 т. – Т. 3 : Расцвет реализма. – Л. : Наука, 1982. – С. 398–445.
5. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. / Ф. И. Тютчев. – М. : Классика, 2002. – Т. 1 : Стихотворения 1813–1849. – 526 с.
6. Осповат, А. Л. «Как наше слово отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева / А. Л. Осповат. – М. : Книга, 1980. – 110 с.
7. Грачева, И. В. Мотив звезд в лирике Ф. И. Тютчева / И. В. Грачева // Русская словесность. – 2004. – № 2. – С. 26–30.
8. Афанасьева, Э. М. Поэтика романтических «желаний» в русской лирике XIX века (К постановке проблемы) / Э. М. Афанасьева // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2005. – Вып. 8 (71). – С. 119–126.